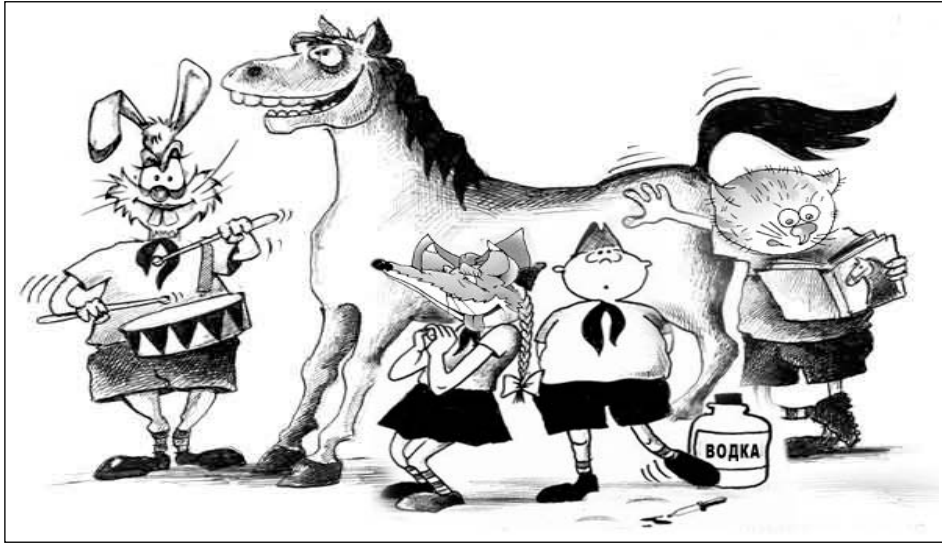

Храбрый Заяц-барabanщик

То, что наш храбрый Заяц давно уже в лесном оркестре на барабанчике постукивает, знают все, кто хотя бы раз ему лесную тропинку перешел. Причем постукивает всем и на любые темы. Но вот когда красные зайцы дали ему в руки большой малиновый барабан, этот душевраздирающий грохот стал слышен даже за пределами полянки, на которой он с красными зайцами обычно травку жевал, а однажды с бодуна даже хотел оскорбиться и сожрать кишки своих врагов. Ну да что спяну ему не померещится. Прежде, бывало, с похмелья он все больше безобидные истории рассказывал: то он советским разведчиком в глубоком тылу молдавским вином врагов травил, то на баррикадах русской водочкой баловался и кого-то от кого-то защищал, то вещал о том, как лично сам святой Николай Угодник, минуя всякое лесное начальство, к нему явился и подарил благоустроенные квартиры и ему, и папеньке с маменькой, и всей родне. Но это было раньше. А тут, получив в руки новый инструмент, вдохновленный злодейкой с наклеятой и нащепываниями хитрого кота Васьки да изгнанного из конюшни Лошарика, которые к красным зайцам прибу-

дились на лесную полянку, наш храбрый Заяц такие барабанные трели стал выдавать, что жуть берет. Стал он лесному царю-батюшке на Медведя постукивать, что, мол, и груб, мол, и дерзок, и даже его — Зайчика — нецензурно ругал, да и других, мол, оскорблял — работать заставлял. А

ведь забыл Зайчишка, как он в свое время тому же Медведю про других зайцев на барабане постукивал да милостей у него искал. Да заячья память короткая, а храбрость — напускная. Эта храбрость всегда проявляется тогда, когда по лесу очередной слух пройдет, что, мол, царь лесной

на отдых собрался, или что Медведя снимают, или, что уже не раз бывало, когда Зайчик-лебедяйчик на очередные выборы куда угодно выдвигается. Ну да выдвигался-то он уже не раз, да только народ лесной его голосованием своим опять задвигал, да и еще не раз задвигнет. А зачем им во власти барабанщик? От его треска и так у многих голова болит. Да вот только Медведю от его грохота ни холодно ни жарко, знай себе работает да над барабанщиком похихатывает.

Стукачей-барабанщиков на Руси никогда не любили. Вот и бегают на полянке Зайчик-лебедяйчик со своим малиновым барабаном да услаждает дробями уши кота Васьки, Лошарика, Лисички — Острое Ушко да красных зайцев. А народ лесной работает да крепче уши затыкает, чтобы этого мерзкого барабанного грохота не слышать.

Да вот и последние выборы показали, что все усилия их сорвать со стороны Зайчика-лебедяйчика и его наставников ни к чему не привели, да теперь уже и не приведут. Народ выбрал стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Тихон МОНАСТЫРСКИЙ.

В некотором царстве, в славном Орлянском государстве объявился однажды мужичок-хитрячок Афоня. Глазки-бурлачки, брови сдвинуты и всклокочены, сам толстенный, приземистый, точь-в-точь как гриб ядовитый, разве что шляпки не хватает. Действительно, грибно в Афоне было не меньше, чем человеческого, потому как в детстве далеко он в лесу дремучем однажды мухоморов натрескался, да так, что еле откачали. Зато грибница мухоморная с тех пор в Афониных мозгах поселилась, корнями своими все извилины его оплела и само-го на гриб похожим сделала.

И все бы ничего, да только стоило Афоне на грудь принять граммов эдак сто воды огненной, как в голове его спиртовой галлюциногенный раствор образовывался. Афоня тотчас грезить наяву начинал: кино про разведчиков, как наркологи говорят, на стенке смотрел, с мебелью о жизни разговаривал да нечисть всякую с маленькими рождками и хвостиками с пиджака на пол стряхивал, потому как щекотно очень. Впрочем, Афоне всякие там наркологи-биологи были до лампочки.

Он знай себе наливал, выпивал да гюки свои обзирал, не забывая при этом языком шершавым нужным людям место, в котором сидят, прилежно вылизывать и в вечной преданности им клясться.

Стёр себе язык Афоня, почти до основания стёр, но все-таки выпросил себе тепленькое местечко начальника всех волостных газет. Тут-то кутро его мухоморное во всей красе себя и продемонстрировало: возомнил Афоня себя рабовладельцем, а подчиненных своих — орудиями горящими, которым даже имена иметь не положено. Говорит, бывало, Афоня: «Эй, бухгалтер, живо ко мне!» Или: «Водитель, туды твою и растуды, подай-принеси, пшёл вон, скотина!» Уж бедняге водителю больше всех доставалось. Вызывает его Афоня и строго-настроено приказывает: «Значит, так: отвезешь дочь мою в аптеку, а жену — на рынок. И чтоб за час управился!» Делать нечего, везёт раб водитель дочь афонинскую целых двадцать метров от дома до аптеки, а потом тратит топливо государственное на то, чтобы пучок рудиски жена афонинская на рынке купила. Что говорить, любил женщин Афоня, ох любил! Причем не только своих, но и чужих. Заприметит в во-

лости далекой кого-нибудь покрасивше — и сразу в постель тащит, а если она очень постарается, то по служебной лестнице вверх поднимет и прям на работе пользует. Обнаглел Афоня, вконец обнаглел.

Посмотрел он однажды по телевизору передачу про то, как воеводы жестокосердные солдатиков дачи свои генеральские возводить заставляют, и призадумался: а чем я хуже? Вызвал к себе подчиненных, отобрал несколько очкариков-хилятиков, усмехнулся садистски и приказал: «Отвезете пять тонн навоза на мою дачу и до вечера раскидае-

Лукича со стены Афоне советовали, потому как страна у нас теперь давно другая. Афоня всегда посылал их подальше. Подчиненные не знали, что после пары бутылочек халявной водки, которую Афоне везли со всех волостей (ибо без «валюты жидкой» он не решал ни одного вопроса), Лукич облакачивался на раму своего портрета, и они с хозяином кабинета часами говорили по душам. «Архинеобходимо, — поучал Лукич Афоню, — организовать Фонд левой бумаги, привлечь к этому предприятию душечку Торопыгина (весьма опытного товарища), найти зиц-председателя и под-

нился Лукич. Афоня согласно кивал головой и лишь под утро забывался тяжелым сном.

Какие были времена! А теперь вот ни задушевного разговора, ни любезного Лукича — вообще ничего. Ничего, кроме водки.

Афоня грустно посмотрел на недописанную «поэму» для газеты «Орлянская икра», налил полный стакан, залпом его осушил и вдруг оказался в своем бывшем кабинете. Он с удивлением оглянулся по сторонам. Всё, включая милого сердцу Лукича, было на месте и, казалось, совсем не изменилось. Вождь всё так же хитро прищурился, но неожидан-

— Делириум тременс!

— Чего-чего?

— Не узнал, дармоед? — хватка чудовищного языка слегка ослабла. — Я — белая горячка!

— «Белочка»? — глупо улыбнулся хозяин кабинета.

— Она самая! Буду сейчас тебя судить скорым, но справедливым судом!

— За что? — Афоня чуть не наложил в штаны одновременно от испуга и от возмущения.

В лапидарной страшной белки появился еще не опубликованный Афонин труд.

— «Моя биография, — с издёвкой читал монстр, — это серия выстрелов в десятку». Ну, ворошиловский стрелок, проверим твою меткость! «Десять лет работы в комсомоле»... Где теперь комсомол? Нету комсомола! Дальше пошли. «Десять лет партийной работы». Где партия теперь? Нет партии! «Десять лет на заводе вычислительных машин». Где завод, я тебя спрашиваю?! В глаза мне смотри, кому говорю! Нет завода! А «десять лет в управ-

во волостных газет»? Где управа, где она? Нет управы!

Под Афонею образовалась маленькая лужица.

— Ты, Афоня, разрушитель! За что ты ни берешься, всё разваливаешь! — пророкотало чудище, — Вердикт суда: виновен по всем пунктам обвинения. Назначить наказание в виде...

Ба-бах!!!

В мгновение ока Афоня оказался в обычной реальности. Нет, не от испуга, а от страшного удара по голове. Над ним склонилось перекошенное от ненависти знакомое лицо.

— «Белочка»... — задабривающе прошептал Афоня.

— Я тебе покажу «белочку», охальник старый! — сварливый визг жены Афоня узнал сразу. — Ты мне спяну всё выболтал про баб своих... У, мурло бестыжее!

С усилием подняв веки, Афоня увидел смутный образ своей благоверной, правая рука которой сжимала занесенную для нового удара сковородку. На секунду ему показалось, что вместо жены на него с укоризной глядит Лукич, а из его блестящей, отполированной лысины лезут то ли рождки, то ли какие-то радиоантенны. Но он не успел их как следует рассмотреть. Перед глазами Афоня вдруг вспыхнул огненный шар, и всё вокруг окутала тьма.

Гоша КРАСНОБАЕВ.

ПРО АФОНЮ-БУХАРЬКА, БЫВШЕГО ГОРЕ-НАЧАЛЬНИКА

Печальная история одной душевной болезни

те, а не управитесь — выгоню на-фиг!» Чуть не загнулись хилятики, но задание выполнили: никому не охота на улице оказаться. А Афоня и этого мало — выбил себе, любимому, чадам своим и домочадцам аж три огромные квартиры, сыну единственному подвал выделил в здании своем да еще помещение на самом центральном проспекте организовал. Сын-бизнесмен и рад стараться — вон, все троллейбусы рекламной фирмы «Диоптрика-Сервис» обвешаны. Налоги, правда, поганец такой, в полном объеме не платит, но, как говорится, сколько веревочке ни виться...

Поглядели на Афонину выкрутасы люди государевы, за головы схватились да и турнули его с глаз долой на пенсию. Кстати, пенсию Афоне приличную положили — аж двадцать тысяч целковых. Ему бы успокоиться, но куда там! Седина в бороду, бес в ребро, мухоморы — во всё остальное. Не прощу, говорит, окаянные, «обиды» такой, заделаюсь вам назло вонючим графоманчиком, помоями оболью, потому как в душе я скрытый коммунар, конспирацию хитро соблюдающий.

Нужно сказать, что в афонинском кабинете до самого его ухода висел портрет вождя Лукича, который, как обычно, хитро улыбался и выставлял вперед бородку клинышком. Некоторые особо смелые подчиненные иногда собирались с духом, поскорее снять

писывать все документы от имени его умершего брата. Ведь партия очень нуждается в средствах, а этот иудушка Икотников мало того что все деньги партийные стырил, так еще и в публичные дома вложил на Черноморском побережье, экий прохиндей!» Лукич брызгал слюной и умолял Афоню соблюдать осторожность и не доверять Дурику Селёдкину, проигравшему в карты партийную газету «Классная тоска» «профессору кислых щей» Ботвеву. «Он, конечно, барыга, денюжка иногда подбрасывает, но газета-то теперь его», — кручи-

но он превратился в маленькую белку, которая, выпрыгнув из портрета, стала прыгать по шкафу, стульям и занавескам. Потом белка стала не то самоклонироваться, не то размножаться почкованием, двоясь и троясь в Афониных глазах. В итоге стайка наглых животных дружно взялась за лапки, выстроилась вокруг Афоня в хоровод и тихонько запела:

— Не пиши ты всякий бред, а не то дождешься бед!

Разозлился Афоня да как схватит одну из белок за хвост! Пушистый зверёк испуганно задёргался у него в руке.

— Ура! — победно взвыв Афоня. — Белку поймал!

Но белка сразу же превратилась в какое-то ужасное чудище, которое мгновенно заполнило собой всё пространство кабинета. Гигантские лапищи сдавили пухлое Афонино тело, в глазах монстра засверкали яркие белые огоньки, а из зловонной пасти выскочил похожий на змею красный пятиконечный язык, обвил вокруг Афонинной шеи и начал медленно его душить.

— Ты кто? — прохрипел Афоня, почти теряя сумбурное сознание.